УДК 94(47)"17"

Н. А. Лебедева

Просветительская деятельность Московского митрополита Платона (П. Е. Левшина) в эпоху Российского Просвещения

В статье исследуется просветительская деятельность православного иерарха XVIII в., Московского митрополита Платона, и его вклад в развитие отечественной духовной культуры.

Ключевые слова: духовная жизнь, Просвещение, нравственное воспитание, образование, Русская православная церковь, секуляризация

Natalia A. Lebedeva

Educational activities of the Moscow metropolitan Platon (P. E. Levshin) in the era of Russian education

The article is devoted to the analysis of educational activity of the leading Orthodox cleric of the XVIII century, Moscow metropolitan Platon, and his contribution to the development of spiritual culture.

Key words: spiritual life, Public education, moral upbringing, education, Russian Orthodox Church, secularization

В истории Российского государства XVIII в. начинает имперский этап развития. На всем его протяжении в ходе политических, социальных и церковных государственных реформ происходят значимые изменения во всей системе культуры. Как точно заметил Ю. М. Лотман, в России создавалась «светская религия государственности» со «своеобразной деспотической демократичностью»[1], когда светская идеология требовала религиозного поклонения. После образования в 1721 г. Святейшего правительствующего синода у Русской православной церкви практически не осталось реальной политической власти, почти все области церковного управления контролировались государством. Новая, светская теория государства не признавала и исключала в сфере управления государственно-религиозный дуализм, но Петровская синодальная реформа не исчерпывалась государственно-церковными отношениями – она сопровождалась не только идейно-политической, но и бытовой «ломкой». По мысли известного ученого А. М. Панченко, секуляризация не есть секуляризация церковного землевладения, а «обмирщение» всей культуры[2]. Государственные институты власти в силу традиционной административной системы не могли «дотянуться» до всех уголков необъятной территории отечества, а церковь, воздействуя на религиозное сознание населения, имела такую возможность, поэтому она должна была играть активную роль в «социальном дисциплинировании» населения страны и должна была научить подданных хотя бы что-то делать «регулярно». С данной точки зрения, обязанность ежегодной исповеди по «Духовному регламенту» Феофана Прокоповича не менее важна, чем обязанность регулярно платить подушную подать. Иметь определяющее значение в «социальном дисциплинировании» церковь могла только при одном условии, если будет сама выполнять дисциплину, и в ней не повторятся «замахи» патриарха Никона.

Российское Просвещение, как и западноевропейское, содействовало развитию рационализма, естествознания, гуманности, освобождению человека от политического и общественно-социального насилия и провозглашению внесословной ценности человека, но при этом имело и свои особенности. Оно было более спонтанно, не имело резких антирелигиозных настроений, ориентировалось преимущественно на социальные проблемы, вопросы нравственного воспитания, духовного созревания личности и степени ее свободы. Как совершенно верно заметил российский ученый Ю. Н. Солонин, подход к сущности российского Просвещения как «…результату деятельности людей преимущественно светского круга… изначально является односторонним и ущербным»[3]. Действительно, духовенство потеряло значительную часть политического влияния на власть и общество, и даже духовная сфера стала выходить из-под его контроля. Верховная власть, пользовавшаяся в XVIII в. громадным авторитетом, наносила многим старым обычаям и нравам «удар за ударом», призывая на помощь «и западноевропейское Просвещение, и прямо самих иностранцев»[4]. Тем не менее духовенство не могло оставаться в стороне от общего процесса преобразований и принимало участие в

формировании основ новой рационализированной культуры, часто выступая в роли профессиональных кадров для реорганизации духовного образования.

Выдающимся представителем церковно-религиозного направления российского Просвещения является митрополит Московский Платон (до монашества – Петр Егорович Левшин, 1737–1812 гг.). Будущий иерарх проявил самостоятельность и настойчивость в обучении и самовоспитании. Как сын церковнослужителя, он должен был обучаться в Коломенской семинарии, но отец добился, чтобы сына приняли в московскую Славяно-греко-латинскую академию. За две недели пребывания в академии будущий митрополит научился читать и писать по-латыни. Позже он прошел все классы обязательных наук: пиитику, риторику, философию и богословие. Самостоятельно изучил греческий язык, географию и историю, любовь к которой пронес через всю жизнь. Как он сам вспоминал, стремился всегда к уединению, не приветствовал никаких церемоний и, будучи архиепископом, редко выезжал из дома. Единственной склонностью своею называл склонность к духовному званию, поэтому и отказался в годы учебы в академии от назначения в студенты открывшегося Московского университета. По окончании академии в 1757 г. он был определен на должность учителя пиитики и, кроме того, должен был публично по воскресным дням в стенах академии толковать катехизис.

Популярность Петра как проповедника была настолько велика, что собрание академии не вмещало всех желающих его послушать. Зависть к успехам будущего митрополита была так сильна со стороны высшего духовенства, что ректору академии пришлось назначить расследование о деятельности Платона на предмет ее соответствия христианским основам. В 1758 г. Петр был приглашен известным придворным проповедником и членом Правительствующего синода Гедеоном Криновским на должность учителя риторики в Троицкую семинарию, находившуюся на территории Троице-Сергиевой лавры, где Петр принял постриг в августе того же года и стал нареченным Платоном. Одной из причин к постригу Платон называл любовь к просвещению, так как, по его мнению, монашеская жизнь содействуют «…к богомыслию и к приобретению просвещения, беспрепятственным упражнениям премудрости духовной и мирской»[5]. После пострига он был произведен в иеродиаконы в Московском Успенском соборе. В 1763 г. Платона определили учителем богословия к великому князю Павлу Петровичу, наследнику российского престола; с 1770 г. Платон (Левшин) – епископ Тверской, а с 1787 г. – митрополит Московский. С 1775 г. как видный церковный иерарх и один из самых образованных людей своего времени, Платон (Левшин) был назначен куратором Славяно-греко-латинской академии.

Платон (Левшин) был чужд какой-либо системности в знании. Для определения его общественных, политических, философских и религиозных взглядов требуется всесторонне целостное и тщательное рассмотрение всего творческого наследия митрополита. Основной богословский труд мыслителя – «Православное учение веры» – был издан в 1765 г. и вскоре переведен на английский язык для использования в курсах лекций, читаемых в университетах Оксфорда и Глазго. Вероятно, это объяснялось «проявлением» протестантского духа в катехизисах, как считали западноевропейские современники Платона. «Православное учение веры» позже переведут на латинский, греческий, армянский, грузинский, немецкий, голландский и французский языки. Проповеди Платона, произносившиеся с церковного амвона в течение 50 лет, составляют целый курс нравственного учения. В них мы видим прямое свидетельство духовного роста Платона, преодоления «тварности» на пути «внутреннего» и «внешнего» креста. Некоторые «Поучительные слова» по смыслу повторяют друг друга, в чем признавался и сам мыслитель, но каждое из них – глава в летописи его «сердца и души»[6]. Среди других произведений, представляющих научный интерес, необходимо назвать «Краткую российскую церковную историю», «Увещание раскольникам», «Краткий катехизис», «Автобиографию», «Житие Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца» и «Путешествия».

Митрополит Платон является родоначальником философско-богословской школы «ученого монашества», к которой принадлежали митрополит Гавриил (Петров), епископ Феофилакт (Горский), св. Тихон Задонский, архиепископ Евгений (Булгар), епископ Дамаскин (Семенов-Руднев), митрополит Амвросий (Подобедов), архиепископ Тихон (Малинин), митрополит Евгений (Болховитинов), св. Филарет (Дроздов). По мнению современного исследователя П. В. Калитина, представители «платоновско-левшинской» школы «…со своим неединым, органично-антиномическим, отрицательно-положительным и апофатико-катафатическим принципом истины бытия… создали по-своему свободный, глубоко личностный, оригинальный и тем не менее воцерковленно-святоотеческий тип философско-богословского философствования, что раз и навсегда упраздняет сугубо „светскую“ и „единую“ монополию на творчески выразимое христиан-

ство»[7]. Развивалась традиция философско-богословской мысли с новой антиномической логикой, за принципиальную основу которой был взят апофатический и внутренне – крестный антропоцентризм личного аскетического опыта[8]. Мыслители пытались сформировать новый идеал человека, важнейшую роль в создании которого играло воспитание. Наибольшей популярностью среди них из западноевропейских философов пользовались сочинения Ф. Бэкона, Дж. Локка, Б. Спинозы, И. Ньютона, В. Лейбница, Х. Вольфа и его последователей.

Архимандрит Гавриил (Воскресенский) в истории русской философии относил Платона, Евгения (Болховитинова) и св. Филарета к «русским самомыслителям»[9]. Протоиереи Василий Зеньковский и Георгий Флоровский, признавая существование платоновской школы, не считали ее самобытной и оригинальной. Эвристическую особенность «ученого монашества» обозначили церковный историк А. В. Карташев и школа парижских православных ученых. Из современных исследований, бесспорно, выделяются работы П. В. Калитина, например «Распятие миром» или «Уравнение русской идеи»[10].

В истории российского Просвещения деятельность Платона (Левшина) как общественного деятеля и просветителя поистине обширна и значительна. Культурная роль московской Славяно-греко-латинской академии возросла именно при митрополите, увеличилось ее позитивное значение в деле просвещения. Мыслитель стал своим Петром Могилой для академии, повернул академию «лицом к жизни», повел борьбу с догматизмом в ее стенах[11]. Круг изучаемых наук значительно расширился. Платон ввел курсы по герменевтике, гражданской и церковной истории, физике, истории философии, медицине, мифологии и пасхалии. Издавались новые учебники и учебные пособия, «дух схоластики потерял силу», появился «свежий» взгляд на предметы. Платон положил конец вызову «ученых монахов» из Киева. Преподавание стали вести все больше на русском языке, началось обучение французскому, немецкому и голландскому языкам. Был учрежден класс высшего латинского и русского красноречия специально для открытых митрополитом Платоном талантов. В философских курсах стали пользоваться сочинениями Х. Вольфа, в физике – сочинениями в русском переводе Л. Эйлера. В курсах этики знакомили с сочинением С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина». Префект Дамаскин, получивший образование в Геттингенском университете, познакомил академию с идеями вольфовской школы. Для курса богословия директор сам написал сочинение «Христианское Богословие», больше похожее на катехизические беседы и свободное от ненужных схоластических тонкостей. Новостью было то, что сочинение он написал на русском языке.

При митрополите Платоне в академии была создана научная библиотека, и книги стали выдавать на руки, составили библиографические каталоги, учредили должность библиотекаря. По приказу протектора на часть остаточной суммы от штатных средств и при его личной материальной поддержке покупались новые книги. До Платона в библиотеке академии существовали только читальные залы. В «Автобиографии» митрополит вспоминал, что с детства любил читать, но книг дома никаких не было, купить тоже было не на что, а в академии книги не выдавали. Открытием абонемента он «утолил жажду» любознательных студентов. Академия имела много редких и замечательных изданий. При пожаре 1812 г. библиотека сохранилась в целости, а в 1814 г. лучшие книги поступили в библиотеку, открытую в Троицкой семинарии.

Платон в сложных условиях антимонастырской политики Екатерины II пытался исправить положение в области образования и просвещения. Он добился увеличения штатной суммы на содержание академии. Если до 1775 г. она составляла 5000 рублей, то после смерти Екатерины II сумма доходила уже до 12 000 рублей в год[12], а император Александр I удвоил и последнюю сумму. Примечательно, что эта сумма повлияла не только на повышение жалованья учителям и стипендии студентам, а пошла и на расширение академии в плане увеличения количества студентов. Их численность стала доходить до 1600 человек (в первой половине XVIII в. – от 200 до 600 учеников посещали академию в разные годы[13], а в московском Университете в это же время посещали курсы 100 человек).

Кроме стипендий и жалованья студенты и учителя получали дополнительные денежные вознаграждения. При Московской академии была создана школа для бедных учеников, которые обучались на средства, положенные в банк на имя Опекунского совета. Среди благотворителей известны граф К. Г. Разумовский, епископ Архангельский Аполлос (Байбаков), епископ Нижегородский Дамаскин (Семенов-Руднев), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров). Кроме общей бурсы Платон учредил особое отделение «казеннокоштных», содержащихся за его собственный счет. В 1789 г. он внес в Опекунский совет академии 4000 рублей, чтобы на проценты с данной суммы содержались по пять воспитанников «наилучших нравов, учения, понятия и прилежания» из бедных

семей в Московской академии, Троицкой семинарии и Перервинском училище[14]. На содержание каждого студента полагалось 30 рублей в год. Для них отвели одну келью в корпусе академии и предписали именоваться по фамилии Платоновы (среди них можно назвать Н. П. Гилярова-Платонова, В. Д. Кудрявцева-Платонова). Согласно сочиненной Платоном инструкции, студенты давали обязательство закончить курс обучения в академии, разговаривать между собой всегда на латинском, французском или немецком языках, а при поступлении в академию давать подписку о вступлении в духовное сословие. После окончания академии достойным ученикам предоставлялись рекомендации.

При Платоне академия по составу студентов и преподавателей стала исключительно духовным учебным заведением: теперь в академию принимались только дети священников и церковнослужителей. По указу 1769 г. могли брать детей типографских служащих, при условии, что последние были из детей священников и не облагались подушными налогами. Монашествующие студенты стали явлением редким в академии при Платоне. Вместо монашествующих большое количество студентов появляется из белого духовенства. Как и раньше, экзамены проходили в виде творческих диспутов. Студентов отпускали на летние каникулы, перед праздниками Рождества Христова и Пасхи и перед сырною неделею. Ученики, не явившиеся на занятия после каникул, либо исключались, либо после уплаты штрафа за них родителями или родственниками продолжали обучение. В течение учебного года ученик не мог отсутствовать более трех дней без уважительной причины.

Академия при Платоне (Левшине) принимала активное участие в обмене научной информацией с западными учеными, разворачивается многогранная переводческая деятельность учителей и учеников. Аполлос (Байбаков) перевел на русский язык «Духовные песни» Геллерта и «Христианскую философию» Манна, Дамаскин (Семенов-Руднев) – на латынь богословие Платона (Левшина). Появляются оригинальные сочинения по российской истории и пиитике, такие как: «Краткое руководство к оратории Российской» Амвросия Серебрякова в 1778 г., «Руководство к чтению Священного Писания Ветхого и Нового завета» ректора Амвросия (Подобедова), «Правила пиитические российского и латинского стихотворения» Аполлоса (Байбакова), в 1788 г. сделан перевод с греческого «Одиссеи» Гомера иеромонахом Моисеем. Сам Платон (Левшин) в области исторической науки знаменит путевыми записками, историческим описанием Троице-Сергиевой Лавры, историческими надписями на памятниках и самым главным трудом «Краткая Российская Церковная история». Этот труд, по мнению Филарета, архиепископа Черниговского, «в отношении без пристрастия могущий служить образцом для историка русской церкви», по взгляду профессора П. В. Знаменского – труд «редкий по талантливости, полный обилием фактов, метких замечаний и серьезной критики», по мнению историка С. М. Соловьева – «труд, запечатленный печатью могучего юного таланта»[15].

Студентов высших классов академии посылали для продолжения обучения в Академию наук в Санкт-Петербург, в Медицинскую фкадемию и Университет, в петербургский Педагогический институт; также они принимали участие в пекинских миссиях для изучения китайского и маньчжурского языков. Исключений из академии при Платоне стало значительно больше, в основном, по причине лени и отсутствия прилежания (например, в 1793 г. было исключено 146 человек). Сохранилась резолюция Платона на представление ректора об исключении ученика риторики Даниловского: «Даниловского, яко нерадивого и ленивого ученика, выключить, выгнать его из Академии в присутствии учеников до ворот метлами»[16].

Благодаря стараниям митрополита в 1797 г. была увеличена сумма до 2000 рублей на содержание Троицкой семинарии. Философские лекции, прочитанные им еще префектом семинарии (1759–1761 гг.), не сохранились. Но известно, что преемники следовали рационалистической вольфианской системе Ф. Баумейстера. Например, префект Михаил Иванович Ильинский в течение 11 лет (1765–1776 гг.) преподавал по Ф. Баумейстеру логику, онтологию, космологию, опытную психологию, пневматологию, основы новейшей нравственной философии; эти же курсы читались и при ректоре Аполлосе (Байбакове) (1775–1783) и при префекте Евграфе (1800–1802). В 1802 г. владыка Платон за своей подписью оставил наставление для студентов философии Троицкой семинарии, согласно которому преподавание философии продолжалось в семинарии два года, логики – 1 год, физики и метафизики – 2 года. Относительно преподавания этики сохранилась следующая пометка Платона: «А мораль оставляется: ибо человеческая слаба и недействительна, а должна она почерпаема быть из слова Божия в богословском классе»[17].

Обучение могли дополнить еще двумя годами для преподавания риторики и сочинения филологических, исторических или нравоучительных речей (каждому студенту в год не менее 8 речей). Изучались, по указанию иерарха, не только греческий и еврейский языки, но и исто-

рия данных народов. По истории философии читали античного Платона, Цицерона и других мыслителей по желанию преподавателей, но обязательно с критикой. Платон также ввел в курсы семинарии церковную и гражданскую историю[18].

Троицкая семинария подготовила немало выдающихся мыслителей России, в том числе восемь митрополитов. Платон склонил принять иноческий образ Павла Пономарева, Амвросия Протасова, Августина Виноградского, Евгения Казанцева, Филарета Дроздова, Симеона Крылова и др. Особенно любил владыка талантливого Василия Михайловича Дроздова, учителя Троицкой семинарии, а впоследствии, канонизированного Филарета, митрополита Московского. В письме к Августину (Виноградскому) он называет его «отличнейшим» проповедником и пишет, что проповеди его достойны удивления.

Заботясь о преобразованиях в духовных учебных заведениях, Платон руководствовался, конечно, не только желаниями светской власти[19], но и осознанием той роли, какую могло играть русское духовенство в образованном обществе.

С соизволения Платона, в 1782 г. было открыто «Дружеское ученое общество», объединившее студентов и преподавателей академии и Московского университета. Члены общества занимались литературными переводами и сочинительством, публикуясь в издаваемых за счет средств митрополита журналах «Вечерняя заря» и «Детское чтение». Общество было закрыто в 1787 г. (вероятно, из-за дела о «вольных» типографиях), но некоторые студенты продолжали посещать лекции в университете, особенно лекции по иностранным языкам, с целью изучения разговорного языка. Кроме журналов, типография академии издавала книги по поручениям правительства. Например, в 1786 г. по желанию Екатерины II княгиня Е. Р. Дашкова передала поручение Платону отобрать в академической библиотеке драматические произведения, написанные на сюжеты библейской истории, и предоставить их для издания «Собрания российских театральных сочинений».

Помимо издательской деятельности, митрополит занимался до 1799 г. цензурой не только духовных, но и светских сочинений (в 1799 г. цензура духовная была отделена от цензуры светской литературы). Например, в журнале входящих цензурных дел 1786–1787 гг. упоминаются поэмы Карамзина и трагедия Шекспира «Юлий Цезарь». В 1786 г. Екатерина II потребовала от Платона освидетельствования книг, изданных в типографии Н. И. Новикова, назначения цензоров для надзора за печатной деятельностью и «испытания в вере» самого публициста. Интересны замечания самого Платона об этом деле, которые можно почерпнуть из его переписки с преосвященным Амвросием (Подобедовым). В феврале 1786 г. он писал, что от поручения императрицы много видел для себя неприятностей, что «общество прямо названо скопищем известного нового раскола», т. е. масонства. В апрельском письме 1786 г. митрополит замечает: «Книгам Новикова дана свобода: запрещены только шесть книг, мною замеченные. Шумнее было предисловие, чем сама речь»[20].

Существуют данные, что когда книгоиздателя привели к митрополиту, то он признал масона Н. И. Новикова «истинным, если не образованным христианином»[21]. Среди запрещенных Платоном книг были «Парацельса химическая Псалтирь», «О заблуждениях и истине», «Апология или защищение вольных каменщиков». В 1787 г. появился указ, предписывающий печатать книги религиозного содержания только в духовных типографиях.

Платон в течение 15 лет руководил Московской епархией, особо заботясь о распространении просвещения среди приходских священников, и «снабдил учеными и добропорядочными священниками» к концу своего правления всю Московскую епархию. После «моровой язвы» 1775 г. большое количество представителей духовенства умерло, и на их должности были назначены выходцы из других епархий, часто не образованные и не выполнявшие с достоинством своей службы. Платон постепенно заменяет их новыми и добропорядочными священниками. Иерарх отменил «крестецких» попов, собиравшихся в Москве у Спасских ворот. «Крестецкие» попы – «безместные» попы и дьяконы, запрещенные или находящиеся под следствием, нанимавшиеся за меньшую стоимость на проведение служб при разных церквах, особенно, домовых. Платон уменьшил число домовых церквей. Указы по запрету домовых церквей издавались еще со времени правления Петра I. С одной стороны, существование таких церквей нарушало правила церковного управления; с другой – это была, как нам кажется, своеобразная форма борьбы со старообрядцами. Определенное число представителей знатных фамилий высших сословий, особенно купцов, являлось последователями или сторонниками старообрядческого движения – достаточно вспомнить князя Мещерского в XVIII в. или династию купцов-предпринимателей Морозовых (XIX в.).

Платон увеличил жалованье для приходских священников, основал церковные училища в Перервенском монастыре в Москве и в

Калуге в Лаврентьевском монастыре, духовные училища в Торжке и Осташкове; привел в порядок духовные дела в Московской консистории; восстановил подворье Чудова монастыря и отстроил новый деревянный дом на подворье в Хамовниках. Кроме первоначально пожалованной суммы в 40 тысяч рублей от Екатерины II на восстановление сгоревших архиепископских покоев, работы осуществлялись за монастырский счет. Кроме того, митрополит добился выделения более 110 тысяч рублей на ремонт соборов Андрониевского монастыря, Большого Успенского и Василия Блаженного. Наблюдая за церковными постройками, Платон, по воспоминаниям современников, «проявлял тонкий архитектурный вкус». Так, при ремонте собора Василия Блаженного он отдал распоряжение, чтобы все более поздние по времени постройки были разобраны, как «не только не соответствующие древней архитектуре, но еще и отнимающие от нее настоящий вид». Без присутствия архитектора работы не разрешалось производить, и необходимо было использовать краски только старых цветов, а «где не было [краски], там не класть», так как архитектура «есть отменного вкуса»[22]. Также митрополит уменьшил умножавшихся при церквах приходских викарных или ранних священников. Еще в 1724 г. Чернышев доносил Петру I, что при одной церкви он нашел более 100 причетников[23]. Платон запретил переходы прихожан от прихода к приходу, кроме крайних случаев, и допускал избрание кандидатов в священнослужители самими прихожанами. Еще до отмены телесных наказаний, митрополит ограничивался при наказании за проступки административными мерами воздействия: назначением выговоров, переводами на низшие должности, лишением сана, временным содержанием в монастыре[24].

В бытность Тверским архиепископом (назначен в 1770 г.) им осуществлены следующие меры: уменьшен причт, упразднены малочисленные приходы, запрещено получение должностей по родству, отремонтирован Тверской кафедральный собор. Платон, как пишет он в своей «Автобиографии», добился увеличения денежных средств с 800 рублей до 2000 рублей на содержание Тверской семинарии, принял новых учеников, а часть воспитанников перевел в Троицкую семинарию, так как она располагала большими возможностями.

Платоновские нововведения в деле образования и просвещения носили не столько количественный, сколько качественный характер. Особо выделял он талантливых учеников, всячески поддерживал их – стипендиями, дополнительными вознаграждениями, протекциями. Ориентировался иерарх на воспитание творческого начала у духовенства, поддерживая ученические занятия инструментальной музыкой, вокалом, театром. Всей своей деятельностью он подготовил духовную интеллигенцию, корни которой восходили не только к монашеской среде, но и к среде белого духовенства. Многие представители российской аристократии и императорской фамилии поддерживали тесные отношения с «русским Платоном». Среди них можно назвать Екатерину II, Павла I, Александра I, Г. А. Потемкина, И. И. Шувалова, Е. Р. Дашкову, А. Г. Разумовского. Влияние нового церковного образования распространилось не только на Московскую епархию, но и на все российское государство. Деятельность выпускников Московской академии определила духовный подъем православной культуры последней четверти XVIII – начала XIX в. Все ученики Платона стремились к повышению национального самосознания среди паствы, они подготовили дух русского народа к столкновению с наполеоновскими войсками в Отечественной войне 1812 г.

Размышления Платона о воспитании и роли науки в просвещении можно почерпнуть из его «Автобиографии», переписки с духовными и светскими лицами и поучительных слов, среди которых можно выделить: «Слово при заложении Императорской Академии Художеств и при ней церкви. О воспитании» (1765) и «Слово в день рождения Его Императорского Высочества. О пользе учений» (1765). Именно в XVIII в. проповедь становится важнейшим средством духовного просвещения. Замечательными проповедниками той эпохи были Гедеон Криновский, епископ Псковский, Георгий Конисский, епископ Белорусский, св. Тихон, епископ Воронежский, Платон, митрополит Московский, Анастасий Братановский. Проповедь ставила своей задачей уяснить идеал нравственности человека, подорвать ложные основы эгоизма, который просвечивал в «мнимогуманных цивилизаторских стремлениях коноводов общественнаго мнения», и построить прочную, твердо обоснованную систему социальных и гражданских отношений, пробудить ревность к самопожертвованию, к бескорыстному служению целям общества и государства[25].

Проповеди Платона становились исключительным событием. В работе о русских подвижниках XVIII в. Е. Поселянин упоминал, что народ плакал от силы апостольского слова владыки, приезжал из отдаленных уголков России, чтобы послушать его проповедь. Духовный авторитет Платона определяли личное достоинство в отношениях с троном и высокое архипастырское самосознание. Никто из иерархов, после патри-

арха Никона, не находился в такой близости к монархам, как митрополит Платон. Надо отдать должное Платону как проповеднику, так как современники отмечали живость и проникновенность его проповедей. Про умение митрополита говорить убедительно и трогательно Екатерина II заметила: «о. Платон делает из нас, что хочет. Хочет, чтобы мы плакали, и мы плачем»[26].

И отечественные светские просветители (Д. И. Фонвизин, А. Я. Поленов, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев), и церковно-религиозные просветители второй половины XVIII в. верили во всесилие просвещения в деле общественного преобразования. Вопросы воспитания человека, его свободы и гражданских обязанностей были тесно связаны с вопросами взаимодействия верховной власти и общества, отношений человека с государством. Просветители доказывали, что путем воспитания можно изменить любого человека, независимо от его сословной принадлежности. В основу любого образования предполагалось заложить внесословный принцип, а государство отождествлялось, в первую очередь, не с личностью монарха, а с обществом.

Основу воспитания светское крыло просветителей видело в просвещении разума науками, а Платон и «ученое монашество» ориентировались на нравственное воспитание человека, но цель преследовали одну. И те, и другие мечтали через воспитание получить высоконравственных, трудолюбивых граждан, «истинных сынов отечества». По мысли Платона, воспитание есть «приготовление» к пути добродетели. Воспитание не состоит в «нежностях телесных», «увеселениях чувственных», во «внешнем» обучении. Оно заключается в том, чтобы познать себя, Бога, познать конец своего существования. Родители и воспитатели должны «привить» душе ребенка прилежание, патриотизм, верность правителям; уважение к «высшим» и «низшим», и «равным» себе; чувства дружбы и любви ко всем; ответственность за труд, государственную службу, семью и общественную деятельность. В отношениях с окружающим миром быть искренним, ласковым, учтивым и снисходительным. Разные способы и средства есть к нравственному воспитанию. Первое средство, действительное для всех, – «добрый пример», который подают воспитаннику родители или воспитатели, так называемая «немая» наука. «Не хочешь, чтобы младенец развращен был? – не делай перед ним того, чего в не хочешь видеть; но будь перед ним зеркалом, в котором он усмотреть мог бы, чему ему подражать надобно»[27].

Платон подчеркивает, что он не презирает науку как таковую, но утверждает, что пользы от нее для ребенка не будет по двум причинам. Во-первых, разум ребенка еще не способен различить полезное или вредное из почерпнутых знаний; а во-вторых, необходимо сначала воспитать в ребенке все, что касается до «исправленной» совести. Ребенка надо оградить от вредных и пустых разговоров, дурного общества, безнравственных книг. Нет ничего лучше честного и доброго учителя, внушающего воспитаннику любовь к отечеству, честность и добропорядочность. Но самое главное, что он должен внушать в сердце ребенка – это страх Божий, страх не «рабский», а «сыновний», христианский. Через этот страх в зрелом возрасте человек будет отвращаться от непристойных мыслей и вредных намерений и праведно исполнять свой гражданский и семейный долг. «Страх Господень» есть основание и начало **премудрости**. Под **премудростью** Платон понимает все-целостность наук и искусства: философию, риторику, историю, географию, геометрию, астрономию, агрономию, скульптуру, изобразительное искусство, архитектуру: «Всех сих наук и художеств началом и основанием есть страх Божий. Почему? Потому, что из всех наук и художеств первая, чтоб жить добродетельно. Жизни же добродетельныя, есть началом и основанием страх Божий»[28].

Рука об руку с воспитанием идет образование. Тот, кто отрицает учение, отрицает сам разум, поэтому, «если бы кто отвергал учение, тот не только отвергал бы разум, но должен бы отказаться и самого человечества»[29]. Просвещенный разум помогает познать себя, законы добра и зла и даже взлететь к истинам высочайшим – божественным. Когда человеческий разум обогащается познанием, в человеке рождается внутреннее удовольствие, так как «…всякая истина сама чрез себя есть красоты неизглаголанной». Через знания мы можем построить справедливое общество. Человек, одаренный разумом, порядочен по своим поступкам. «Учение в счастии – украшение, в несчастии – утеха, в скудности – богатство, в трудах – покой, в затруднениях – советник, в пути товарищ, в уединении – сладкий друг, в богомыслиях – вождь к Богу, ходатай к соединению с ним»[30]. От невежества, по Платону, возникают суеверие, вульгарность в нравах, «непорядки» и даже атеизм. Также мыслитель неоднократно выступал против лже-образования французских конюхов и гувернанток, считал, что ими воспитание «пренебрежено»: «А где наука нравов? Где обучение честности?»[31].

Платон обеспечил принципиально новый уровень церковного просвещения. Большое значение он придавал творческому началу человека, стремлению развить его дарования и таланты. Он пишет, что полезны науки, но полезны

и «художества», т. е. искусство: «Науки просвещают мысль, художества не допускают до душевно расслабления; науки показывают путь ко всякому добру, художества, действительно, тем пользуются; науки наставляют, как избрать доброе жития состояние, – художества самым делом в том состоят. Я могу прибавить в похвалу художеств и то, что науки легко можно употребить во зло; а художества, не знаю, можно ли употребить во зло, – и потому они полезны всегда»[32]. Не раз в своих проповедях Платон упоминает о почетном труде художника, приравнивая его к труду земледельца. Сам Платон высоко оценивал значение духовного просвещения конца XVIII в. и считал, что по уровню духовные училища (при всех материальных бедствиях) стоят выше светских (письмо к преосвященному Августину от 16 ? 1805 г.). По поводу готовящейся реформы духовных училищ он пишет, что порядок в них нужно оставить прежний: «Пусть светские у нас перенимают, а не мы у них; – вся сила в учителях способных, в коих есть недостаток» (письмо к Преосвященному Амвросию (Подобедову) от 7 января 1808 г.).

Во всех своих работах Платон выступает активным защитником своей страны, он гордится именем русского человека, историческим прошлым отечества. В конце XVIII в. мыслитель отмечал, что, в целом, в гражданском обществе наблюдается смягчение нравов, уменьшение суровости и увеличение человеколюбия. Но он обличал и пороки дворянства. Вокруг престола обычно пресмыкаются лесть, клевета, раболепие и интриганство, взяточничество, лицемерие и роскошь, ведущие к праздному образу жизни, супружеским изменам и суете: «Нравы испортились, вера в непочтении; правосудия мало, роскошь усилилась; супружеская верность погибла… Корысть и деньги превозмогают: и беззаконны лицеприятия преобращает порядок»[33]. В письме к преосвященному Августину Виноградскому в январе 1809 г. Платон пишет о сильном морозе, сравнивая «холодность» погоды с «холодностью» нравов: «Здесь был мороз до 31 grad., а по моим до 34 grad. Каковы нравы, такова и погода!»[34].

Митрополит акцентирует внимание и на несправедливости социальных отношений. Он отмечает необходимость ослабления крепостного гнета: «ибо, благоразумно ослабляя непомерные узы рабства, больше дозволяется действовать совести»[35]. Во время путешествия в 1804 г. в Киев Платон наблюдает повсеместную бедность сельских жителей, а ведь крестьяне – это «…род людей есть первый в государстве своею многочисленностью и упражнением своим полезный и нужный; простотою же своих нравов меньше развратности подвержен»[36]. Поэтому правительство обязано с большим вниманием относится к этой «неповинной» и «многоплодной государственной отрасли», искоренять все «пагубныя» причины, которые приводят к бедности, и заботиться об улучшении их положения. С печалью замечает мыслитель, что в любом обществе, какие только существуют на земле, бóльшая часть людей лишается хлеба насущного, терпит нужду, плачет от притеснений и гонений, презирается и почитается «почти за ничто», «будучи еще при всем том неповинно и добродетельно; да и вообще между всеми состояниями мало есть справедливой соразмерности…»[37].

Итак, только нравственному воспитанию, не принижая роли знаний, придавалось основополагающее и ценностное значение. Наука тоже должна была стать нравственной. Деятельность выпускников академии и семинарий направлялась на создание нравственной опоры у граждан российского государства, она сама по себе являлась нравственной. Нравственность коренилась в вере, в добропорядочном воспитании и истинном просвещении. Исторический прогресс невозможен, по мысли митрополита Платона, без главенства нравственных законов, без учета человеческого начала, без нравственного общества. Этические взгляды митрополита Платона внушают оптимизм, поражая безграничной любовью и верой в человека, в то, что он способен стать «чудотворцем» в «каждом моменте» своей жизни. «Доколе в человеке есть дыхание, – писал мыслитель, – не можем и не должны о исправлении и спасении его отчаиваться»[38], потому что «настоящее и истинное спасение души есть важнее всего на свете, каких бы трудов и подвигов оно ни стоило»[39].

Примечания

[1] Лотман Ю. М. Идеи общественного развития в русской культуре // Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX в. М., 1996. С. 40, 51.

[2] Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 312.

[3] Солонин Ю. Н. Духовенство в русском Просвещении // Вече: альм. рус. философии и культуры. СПб., 2007. Вып. 18. С. 49.

[4] Гольцев В. А. Законодательство и нравы в России XVIII в. СПб., 1896. С. 17.

[5] Платон, митрополит Московский (Левшин). Автобиография // Из глубины воззвах к тебе, Господи. М., 1996. С. 22.

[6] Мы используем «Поучительные слова» издания 1913 г. и не вошедшие в данное собрание «Поучительные слова» 1779–1806 гг. издания.

[7] Калитин П. В. Соловьев как невольник своей

свободы // Соловьевский сборник: материалы междунар. конф. «В. С. Соловьев и его философское наследие», Москва, 28–30 авг. 2000 г. М., 2001. С. 169.

[8] Калитин П. В. Церковное просвещение и философско-богословская мысль второй половины XVIII – начала XIX в. // Вопреки веку Просвещения. М., 2000. С. 499.

[9] Гавриил, архимандрит. История русской философии: в 6 ч. Казань, 1840. Ч. 6. С. 33, 70–71, 74–75.

[10] См.: Калитин П. В. Распятие миром. М., 1992; Его же. Уравнение русской идеи. М., 2002.

[11] Снегирев И. М. Троице-Сергиева лавра. М., 1842. С. 82.

[12] Данная сумма, конечно, ничтожно мала в сравнении с доходами, например, фаворитов Екатерины II. Известно, что братья Орловы с 1762 по 1783 г. получили 45 тыс. душ крестьян и 17 млн рублей.

[13] Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 261–266.

[14] Платон, митрополит Московский. Учреждение для студентов в Московской Академии содержимых коштом Платона, митрополита Московского // Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб., 1913. Т. 2. С. 682–684.

[15] Снегирев И. М. Жизнь Московского митрополита Платона: в 2 ч. М., 1856. Ч. 1. С. 22.

[16] Цит. по: Смирнов С. К. Указ. соч. С. 389.

[17] Цит. по: Смирнов С. К. История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С. 308.

[18] Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской академии. С. 332–333, 335.

[19] Еще в 1764 г. Екатерина II учредила комиссию по преобразованию духовных училищ, в Инструкции комиссии императрица предлагала в епархиальных духовных училищах обязательно преподавать латинский язык, историю церковную и гражданскую, риторику, географию, основы математики, этику, экономику и политику, а также богословие в рамках православного вероисповедания. См. об этом: Из бумаг митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила // Рус. арх. 1869. Ст. 1569–1650.

[20] Платон, митрополит Московский (Левшин). Письма к духовным и светским лицам // Из глубины воззвах к тебе, Господи. М., 1996. С. 79–81.

[21] Тихонравов Н. С. Новиков // Соч.: в 3 т. М., 1898. Т. 3, ч. 1. С. 158–159.

[22] Архив московской духовной консистории. 1781. Д. 68 // Лысогорский Н. В. Московский митрополит Платон Левшин как противораскольничий деятель. Ростов н/Д, 1905. С. 189.

[23] Снегирев И. М. Жизнь Московского митрополита Платона. Ч. 1. С. 46.

[24] Розанов Н. П. Московский митрополит Платон. СПб., 1913. С. 30.

[25] См. об этом: Заведеев П. История русского проповедничества от XVII в. до настоящего времени. Тула, 1879. С. 85.

[26] Розанов Н. П. Московский митрополит Платон. С. 58.

[27] Платон, митрополит Московский. О воспитании // Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб., 1913. Т. 1. С. 171–175.

[28] Платон, преосв. Поучительные слова // Соч.: в 20 т. М., 1786. Т. 12. С. 175.

[29] Платон, митрополит Московский. О пользе учений // Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб., 1913. Т. 1. С. 175–180.

[30] Там же. С. 178.

[31] Платон, преосв. Поучительные слова // Соч.: в 20 т. М., 1780. Т. 5. С. 207–208.

[32] Платон, митрополит Московский. О воспитании // Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб., 1913. Т. 1. С. 174.

[33] Платон, преосв. Поучительные слова // Соч.: в 20 т. М., 1780. Т. 5. С. 204–205.

[34] Платон, митрополит Московский (Левшин). Из глубины воззвах к тебе, Господи. М., 1996. С. 109.

[35] Платон, митрополит Московский. Поучительные слова // Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб., 1913. Т. 1. С. 318.

[36] Путешествие высокопреосвященнейшего Платона, митрополита Московского, в Киев и по другим российским городам в 1804 г. // Там же. Т. 2. С. 327.

[37] Платон, преосв. Поучительные слова // Соч.: в 20 т. М., 1792. Т. 14. С. 500.

[38] Там же. Т. 13. С. 105.

[39] Там же. Т. 12. С. 198.